

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

РЕШЕНИЕ

именем Латвийской Республики

по делу № 2018-10-0103

Рига, 21 февраля 2019 года

Конституционный суд в следующем составе: председатель судебного заседания Инета Зиемеле, судьи Санита Осипова, Алдис Лавиньш, Гунарс Кусиньш, Дайга Резевска, Янис Нейманис и Артурс Кучс,

при участии заявителя Марекса Белуги и уполномоченного представителя заявителя присяжного адвоката Екатерины Халтуриной,

уполномоченного представителя органа, издавшего оспариваемый акт, – Сазймы [парламента Латвийской Республики] – старшего юридического советника Юридического бюро Сазймы Илзе Тралмаки и

уполномоченного представителя органа, издавшего оспариваемый акт, – Кабинета министров Латвийской Республики – заместителя государственного секретаря Министерства внутренних дел Витолиньша,

с секретарем судебного заседания Байбой Тропиной,

на основании статьи 85 Конституции Латвийской Республики и пунктов 1 и 3 статьи 16, пункта 11 части первой статьи 17 и статьи 28 Закона о Конституционном суде,

в открытом судебном заседании в Риге 15 и 22 января 2019 года рассмотрел дело

«О соответствии части второй статьи 237¹ Уголовного закона в редакции, действовавшей с 1 апреля 2013 года по 1 декабря 2015 года, статье 90 и второму предложению статьи 92 Конституции Латвийской Республики и о соответствии подпункта e раздела 10A905 приложения к правилам Кабинета министров № 645 от 25 сентября 2007 года „Правила о Национальном перечне стратегически важных товаров и услуг“ в редакции, действовавшей с 28 ноября 2009 года по 23 января

2014 года, второму предложению статьи 92 Конституции Латвийской Республики».

Констатирующая часть

1.1. Законом от 12 марта 2009 года «Поправки к Закону об обороте стратегически важных товаров», который вступил в силу 15 апреля 2009 года, Закон об обороте стратегически важных товаров среди прочего был дополнен статьей 5¹, первая часть которой, в редакции, действовавшей до 26 апреля 2016 года, предусматривала: «Физическим лицам запрещено приобретать, хранить и использовать упомянутые в Национальном перечне стратегически важных товаров и услуг Латвийской Республики специально созданные или приспособленные для проводимых особым образом мероприятий оперативной деятельности оборудование, устройства или инструменты и их компоненты (далее – специальные устройства)».

1.2. Законом от 10 сентября 2009 года «Поправки к Уголовному закону», вступившим в силу 14 октября 2009 года, Уголовный закон был дополнен статьей 237¹, в которой была предусмотрена уголовная ответственность за нарушение правил оборота стратегически важных товаров, если оно нанесло существенный ущерб, или за нарушение запрета на оборот специально созданных или приспособленных для проводимых особым образом оперативных мероприятий оборудования, устройств или инструментов и их компонентов.

1 апреля 2013 года вступил в силу закон от 13 декабря 2012 года «Поправки к Уголовному закону», которым статья 237¹ Уголовного закона была изложена в новой редакции. Статья 237¹ Уголовного закона в редакции, действовавшей с 1 апреля 2013 года по 1 декабря 2015 года, предусматривала:

«(1) За нарушение правил оборота стратегически важных товаров, если в результате него нанесен существенный ущерб, –

наказание в виде краткосрочного лишения свободы или принудительных работ, или же денежного штрафа.

(2) За нарушение запрета на оборот специально созданных или приспособленных для проводимых особым образом мероприятий оперативной деятельности оборудования, устройств или инструментов и их компонентов –

наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет или краткосрочного лишения свободы, или принудительных работ, или же денежного штрафа, с лишением права на определенное занятие на срок до пяти лет».

1.3. 25 сентября 2007 года были изданы правила Кабинета министров № 645 «Правила о Национальном перечне стратегически важных товаров и услуг» (далее – Правила № 645), в приложении к которым содержится Национальный перечень стратегически важных товаров и услуг (далее также – Перечень).

В редакции, действовавшей с 28 ноября 2009 года по 23 января 2014 года, пункт *e* раздела 10A905 – «Специально созданные или приспособленные для проводимых особым образом мероприятий оперативной деятельности оборудование, устройства или инструменты и их компоненты» – Правил № 645 предусматривал:

«*e.* оборудование и устройства для препятствования мероприятиям оперативной деятельности:

(см. Общий военный список Европейского Союза)

1. специальные индикаторы
2. специальные локаторы
3. сканеры
4. скремблеры
5. специальные частотомеры
6. генераторы шумов широкого диапазона частот».

2. Заявитель – Марекс Белуга (далее – Заявитель) – был признан виновным в совершении преступного деяния, предусмотренного частью второй статьи 237¹ Уголовного закона (здесь и далее – в редакции, действовавшей с 1 апреля 2013 года по 1 декабря 2015 года), так как хранил товар, указанный в подпункте 6 пункта *e* раздела 10A905 приложения к Правилам № 645 (здесь и далее – в редакции, действовавшей с 28 ноября 2009 года по 23 января 2014 года), а именно – генератор шумов широкого диапазона частот.

Заявитель считает, что часть вторая статьи 237¹ Уголовного закона (далее – оспариваемая норма Уголовного закона) и подпункт *e* раздела 10A905 приложения к Правилам № 645 (далее – оспариваемая норма правил) не соответствуют нормам Конституции Латвийской Республики (далее – Конституция). По его мнению, оспариваемая норма Уголовного

закона и оспариваемая норма правил (далее вместе также – оспариваемые нормы) не были приняты в порядке, предусмотренном нормативно-правовыми актами, а также не являются достаточно ясными для того, чтобы на их основании лицо привлекалось к уголовной ответственности.

2.1. Заявитель считает: то, что первоначальный законопроект, который предусматривал дополнение Уголовного закона статьей 237¹, в Саэйму был подан министром юстиции, является нарушением статьи 65 Конституции. Кроме того, статья 237¹ Уголовного закона включена в этот законопроект только по предложению перед третьим чтением законопроекта. Таким образом, статья 237¹ Уголовного закона не была оценена в трех чтениях в соответствии с требованиями статьи 114 Регламента Саэймы.

Более того, оспариваемая норма Уголовного закона не является достаточно ясной и понятной для того, чтобы на ее основании лицо привлекалось к уголовной ответственности. На момент деяния еще не сформировалась юдикатура об интерпретации этой нормы. Поэтому лицо не могло выяснить ее содержание и охват иначе, кроме как путем самостоятельной ее интерпретации и использования выводов и заключений, существующих в правовой доктрине.

Из грамматической формулировки оспариваемой нормы Уголовного закона можно сделать вывод, что она предусматривает уголовную ответственность за нарушение запрета на оборот только тех устройств, что предусмотрены именно для осуществления оперативных мероприятий, проводимых особым образом. Из норм Закона об оперативной деятельности вытекает, что все оперативные мероприятия, проводимые особым образом, нацелены только на получение информации. Из этого можно однозначно заключить, что оспариваемая норма Уголовного закона не охватывает устройства, при помощи которых невозможно получить информацию и которые предназначены только для препятствования оперативным мероприятиям. Невозможно разумно предвидеть то, что в соответствии с оспариваемой нормой Уголовного закона лицо будет привлечено к уголовной ответственности также и за хранение такого оборудования или таких устройств, назначение которых, то есть создание помех для проведения оперативных мероприятий, диаметрально противоположно целям оперативных мероприятий, проводимых особым образом. Товары, предназначенные для препятствования оперативным мероприятиям, не упомянуты также в части первой статьи 5¹ Закона об обороте стратегически

важных товаров в редакции, действовавшей с 15 апреля 2009 года по 26 апреля 2016 года.

Законодатель также не считал, что в оспариваемой норме Уголовного закона была предусмотрена уголовная ответственность за нарушение запрета на оборот устройств, предназначенных для препятствования оперативным мероприятиям. О таком понимании нормы законодателем свидетельствует то, что 12 ноября 2015 года был принят закон «Поправки к Уголовному закону», которым правовой состав оспариваемой нормы был дополнен прямым указанием на устройства, предназначенные для препятствования оперативным мероприятиям. Схожие поправки впоследствии были внесены также в Закон об обороте стратегически важных товаров, а именно – в его статью 5¹ было включено прямое указание на устройства, предназначенные для препятствования оперативным мероприятиям.

Кроме того, чтобы понять, что для выяснения содержания оспариваемой нормы Уголовного закона необходимо принять во внимание также Правила № 645 и приложение к ним, лицу сначала нужно ознакомиться с несколькими другими нормативно-правовыми актами. Такая чрезмерно сложная структура бланкетной нормы не отвечает требованиям, предъявляемым к качеству нормы уголовного права. По мнению Заявителя, даже с помощью квалифицированного юриста невозможно прийти к заключению, что в оспариваемой норме Уголовного закона предусмотрена уголовная ответственность за нарушение запрета на оборот устройств, предназначенных для препятствования оперативным мероприятиям, проводимым особым образом.

2.2. В заявлении указано, что Кабинет министров, издав оспариваемую норму, нарушил границы своей компетенции, вытекающие из нормативных актов Латвии и Европейского Союза.

Европейский Союз обладает эксклюзивной компетенцией по регулированию оборота товаров военного и двойного применения. Законодатель также, посредством части второй статьи 2 Закона об обороте стратегически важных товаров, признал, что оборот стратегически важных товаров входит в охват Регламента Совета № 428/2009 от 5 мая 2009 года, которым устанавливается режим контроля за экспортом, перевозками, посредничеством при торговле и транзитом продукции двойного применения на территории Сообщества (далее – Регламент № 428/2009).

Указанные в оспариваемой норме правил устройства являются товарами двойного применения. Из статей 4 и 8 Регламента № 428/2009 вытекает, что государства-члены имеют право установить ограничения только на экспорт товаров двойного применения. Оспариваемой же нормой правил оборот указанных в ней товаров двойного применения запрещен полностью. Европейский Союз не наделял государства-члены правом установить такой общий запрет на оборот товаров, поэтому Кабинет министров был не вправе включать в оспариваемую норму правил конкретные устройства и таким образом распространять на них общие ограничения оборота.

Более того, согласно пункту 1 статьи 4 Регламента № 428/2009, меры по контролю за экспортом государства-члены могут отнести к определенным не указанным в 1-м приложении к Регламенту товарам двойного применения только в том случае, если эти меры обоснованы соображениями безопасности общества или прав человека. Однако технические параметры таких устройств, как находившееся в распоряжении Заявителя, настолько незначительны, что они не могут создать угрозу для безопасности общества или прав или интересов других лиц. Следовательно, Кабинет министров не имел права включать такие товары в Перечень и таким образом относить к ним также и экспортные ограничения. Заявитель дополнительно подчеркивает, что такие устройства свободно продаются в ряде государств – членов Европейского Союза. Товары такого вида не включены ни в Общий военный список Европейского Союза, ни в 1-е приложение к Регламенту № 428/2009, поэтому к ним не могут относиться ограничения оборота, предусмотренные в нормативных актах Европейского Союза.

Кабинет министров, приняв оспариваемую норму правил, нарушил также границы предоставленного ему законом полномочия. Частью первой статьи 3 Закона об обороте стратегически важных товаров Кабинет министров уполномочен установить только перечень специально созданных или приспособленных для проводимых особым образом оперативных мероприятий устройств или инструментов и их компонентов. В свою очередь, Кабинет министров включил в Перечень также оборудование и устройства для препятствования оперативным мероприятиям. Таким образом, Кабинет министров расширил содержание оспариваемой нормы Уголовного закона, что недопустимо согласно второму предложению статьи 92 Конституции.

Кроме того, оспариваемая норма правил не была доступна Заявителю на вебсайте *www.likumi.lv* в той редакции, в которой эта норма была к нему применена. А именно, на распечатке доступной на упомянутом вебсайте систематизированной версии Правил № 645, сделанной 14 октября 2013 года, текст оспариваемой нормы правил частично заштрихован.

Оспариваемая норма правил недостаточно ясна и понятна, поскольку, согласно статье 11 Закона об обороте стратегически важных товаров, то, является ли конкретное устройство стратегически важным товаром, т. е. входит ли оно в охват оспариваемой нормы правил, определяют эксперты на основании доступной им информации, а также собственных специальных знаний. Идентификация устройства, которое было найдено в распоряжении Заявителя, также проводилась экспертом, назначенным Полицией безопасности. Таким образом, оспариваемую норму правил невозможно применить без помощи эксперта. То, что оспариваемая норма правил недостаточно ясна, признал также и Кабинет министров. А именно, в аннотации к правилам Кабинета министров № 648 от 4 октября 2016 года «Поправки к правилам Кабинета министров № 645 от 25 сентября 2007 года „Правила о Национальном перечне стратегически важных товаров и услуг“» (далее – Правила № 648) указано, что содержащиеся в Перечне определения специальных устройств и программного обеспечения являются неполными и неточными.

Заявитель считает, что из включенной в оспариваемую норму правил ссылки на Общий военный список Европейского Союза можно сделать вывод, что в оспариваемой норме правил общим образом обозначены определенные категории товаров, но ограничения оборота относятся только к тем товарам, которые соответствуют техническим параметрам, указанным для соответствующей категории товаров в Общем военном списке Европейского Союза. Из оспариваемой нормы правил четко не вытекает то, что ограничения оборота распространяются на все товары, входящие в конкретные категории, поэтому эту норму следует признать неясной и вводящей в заблуждение.

Из ссылки на Регламент Совета № 1334/2000 от 22 июня 2000 года, которым устанавливается режим контроля за экспортом товаров и технологий двойного применения на территории Сообщества, (далее – Регламент № 1334/2000) лицо также может сделать вывод, что оно имеет право использовать конкретные устройства для личных нужд, например, хранить их или коллекционировать. Кроме того, в Перечне категории

товаров, предназначенных для проводимых особым образом оперативных мероприятий, сформулированы настолько общо, что лицо, не имеющее опыта в сфере оперативной деятельности, не может понять значение и содержание соответствующих терминов.

2.3. В судебном заседании уполномоченный представитель Заявителя Екатерина Халтурина дополнительно указала, что Правила № 645 были изданы с нарушением подпункта *e* пункта 1 статьи 3 договора «О функционировании Европейского Союза» и статьи 133 Договора об учреждении Европейского Сообщества, а также других нормативных актов Европейского Союза, так как они ограничивают свободный товарооборот.

Е. Халтурина также подчеркнула, что структура оспариваемых норм слишком сложна и лицо не может понять их действительный смысл. О том, что нормы неясны, свидетельствует также то, что различные специалисты, в том числе юристы, интерпретируют их различным образом, иногда противоречивым. Нормы Уголовного закона должны четко определять, что запрещено, а что – нет. В судебном заседании также было указано, что Заявитель не обращался в упомянутый в статье 11 Закона об обороте стратегически важных товаров Комитет по контролю за стратегически важными товарами (далее также – Комитет), чтобы выяснить статус находящегося в его распоряжении товара, так как он не считается субъектом оборота стратегически важных товаров. Заявитель не мог выяснить, что собой являет товар, находящийся в его распоряжении.

3. Орган, издавший оспариваемый акт, – Сазэйма – считает, что оспариваемая норма Уголовного закона соответствует статьям 90 и 92 Конституции.

В письменном ответе Сазэйма указывает, что требования, которые в отношении качества правовых норм, регламентирующих уголовное право, выдвигает второе предложение статьи 92 Конституции, выше тех, что выдвигаются статьей 90 Конституции. Поэтому соответствие оспариваемой нормы Уголовного закона обеим упомянутым нормам Конституции в конкретном случае следует оценивать во взаимосвязи, опираясь на требования к качеству правовой нормы, вытекающие из второго предложения статьи 92 Конституции.

Заявитель не высказывал возражений против процесса принятия оспариваемой нормы Уголовного закона. Точнее, он выразил возражения только против процесса принятия закона от 10 сентября 2009 года

«Поправки к Уголовному закону», которым в Уголовный закон была включена статья 237¹, однако нормы этого закона в рассматриваемом деле не оспариваются. Часть вторая статьи 237¹ Уголовного закона в оспариваемой редакции была изложена законом от 13 декабря 2012 года «Поправки к Уголовному закону», принятым и обнародованным в порядке, предусмотренном в Конституции и Регламенте Сазймы.

Согласно юриспруденции Конституционного суда и Европейского Суда по правам человека (далее также – ЕСПЧ), правовую норму нельзя признать не соответствующей Конституции только лишь потому, что содержание этой нормы нужно выяснять путем ее интерпретации. Оспариваемая норма Уголовного закона является бланкетной нормой, признаки правового состава которой следует искать в других правовых актах или судебной практике. Оспариваемая норма Уголовного закона предусматривает ответственность за нарушение запрета на оборот конкретного вида стратегически важных товаров. Правила оборота стратегически важных товаров содержатся в Законе об обороте стратегически важных товаров, который среди прочего уполномочивает Кабинет министров на издание Перечня и устанавливает для физических лиц запрет на приобретение, хранение и использование упомянутых в Перечне специально созданных или приспособленных для проводимых особым образом оперативных мероприятий оборудования, устройств или инструментов (в редакции, действовавшей с 1 октября 2011 года по 26 апреля 2016 года).

Из Перечня вытекает, что устройства для препятствования оперативным мероприятиям являются подвидом специально созданных или приспособленных для проводимых особым образом оперативных мероприятий устройств, а не другой категорией стратегически важных товаров. Так содержание оспариваемой нормы Уголовного закона в рамках законодательного процесса неоднократно толковали также и представители Министерства юстиции и омбудсмен. Таким образом, согласно части первой статьи 5¹ Закона об обороте стратегически важных товаров в редакции, действовавшей с 1 октября 2011 года по 26 апреля 2016 года, был запрещен также оборот устройств, предназначенных для препятствования оперативным мероприятиям. Лицо могло разумно предвидеть, что предусмотренная в оспариваемой норме Уголовного закона уголовная ответственность может наступить также за хранение устройства,

предназначенного для препятствования оперативным мероприятиям, а именно – за хранение генератора шумов широкого диапазона частот.

Сазыма дополнительно указывает: чтобы признать лицо виновным в совершении предусмотренного в оспариваемой норме Уголовного закона преступного деяния, необходимо констатировать субъективную сторону преступного деяния, то есть то, что лицо отдавало себе отчет в своих действиях и желало осуществить упомянутые в этой норме действия. Согласно статье 11 Закона об обороте стратегически важных товаров, лицо может устранить сомнения касательно статуса конкретного товара, обратившись в Комитет. Таким образом предотвращается вероятность того, что виновным в совершении соответствующего преступного деяния будет признано лицо, которое не осознавало вредоносность своих действий. Следовательно, оспариваемая норма Уголовного закона достаточно ясна и понятна для того, чтобы лицо, при необходимости прибегнув к соответствующим консультациям, могло вывести, за какие действия оно будет привлечено к уголовной ответственности в соответствии с этой нормой.

Законом от 12 ноября 2015 года «Поправки к Уголовному закону» прямое указание на запрет на оборот устройств, предназначенных для препятствования оперативным мероприятиям, было включено во вторую часть статьи 237¹ Уголовного закона для того, чтобы закрепить уже ранее предусматривавшуюся оспариваемой нормой Уголовного закона ответственность. Упомянутые поправки сами по себе не означают, что эта категория товаров до их принятия не входила в правовой состав нормы Уголовного закона или что эта норма была неясной. Кроме того, содержание этой нормы разъяснялось в судебной практике, и то, что уголовная ответственность наступает за нарушение запрета на оборот включенных в Перечень устройств, предназначенных для препятствования оперативным мероприятиям, последовательно признавалось еще до вступления в силу упомянутых поправок. По мнению Сазымы, в судебной практике уже существовало сложившееся четкое представление, что правовой состав оспариваемой нормы Уголовного закона охватывает также нарушение запрета на оборот устройств, предназначенных для препятствования оперативным мероприятиям. Таким образом, из судебной практики можно четко вывести содержание и охват оспариваемой нормы Уголовного закона.

В судебном заседании представитель Сазймы Илзе Тралмака дополнительно указала, что стратегически важные товары перечислены в трех перечнях: во-первых, в списке товаров двойного применения, установленном Регламентом № 428/2009, во-вторых, в Общем военном списке Европейского Союза и, в-третьих, в перечне, содержащемся в приложении к Правилам № 645. То, что Сазйма, учитывая стремительное развитие технологий, уполномочивает Кабинет министров на издание правил в отношении вопросов технического характера, является общепринятой практикой.

Чтобы понять, какие товары, согласно оспариваемой норме Уголовного закона, разрешено, а какие – не разрешено хранить, лицу не нужно быть экспертом в оперативной деятельности, к тому же информация о средствах и методах оперативной деятельности не является общедоступной. Понимание оспариваемой нормы Уголовного закона ни в коем случае не опирается на то, что лицо должно знать, какие оперативные мероприятия можно проводить при помощи имеющегося в его распоряжении устройства. То, является ли конкретное устройство, изъятое у заявителя, стратегически важным товаром, – вопрос практики, подлежащий выяснению в каждом конкретном деле.

И. Тралмака также подчеркнула, что приведенные в Перечне товары охарактеризованы не техническими параметрами, а функцией. Лицу нужно всего лишь прочитать описание товара или инструкцию к его применению, а в случае необходимости – обратиться в Комитет. За это ни одно лицо не привлекается к уголовной ответственности. Кроме того, необоснованным является предположение Заявителя, что в оперативной деятельности не может использоваться такое оборудование и такие устройства, как то, что находилось в его распоряжении. Несмотря на то, что функцией конкретного устройства является «создание помех», оно по-прежнему является товаром, предназначенным для осуществления оперативных мероприятий, проводимых особым образом.

Представитель Сазймы в судебном заседании повторно подчеркнула, что поправки к оспариваемой норме Уголовного закона следует воспринимать как редакционное уточнение, а не как существенные изменения по содержанию.

4. Орган, издавший оспариваемый акт, – Кабинет министров – в письменном ответе указывает, что уже в первоначальную редакцию

Перечня были включены оборудование и устройства для препятствования оперативным мероприятиям как один из подвидов оборудования и устройств, специально созданных или приспособленных для проводимых особым образом оперативных мероприятий. Законом от 12 ноября 2015 года «Поправки к Уголовному закону» оспариваемая норма уголовного закона среди прочего была дополнена прямым указанием на специально созданные или приспособленные для препятствования проводимым особым образом оперативным мероприятиям устройства, чтобы особо подчеркнуть ответственность за нарушение этого запрета. В процессе разработки этих поправок подчеркивалось, что оспариваемые нормы уже и ранее предусматривали уголовную ответственность за нарушение запрета на оборот соответствующих устройств.

Содержание оспариваемых норм можно объективно выяснить с учетом их взаимосвязи, а также связи с другими правовыми нормами, регулирующими оборот стратегически важных товаров в Латвии и Европейском Союзе. В судебной практике также признано, что оспариваемые нормы предусматривали уголовную ответственность за нарушение запрета на оборот оборудования и устройств, предназначенных для препятствования оперативным мероприятиям. Таким образом, лицо могло вывести, в случае каких товаров за нарушение запрета на их оборот предусмотрена уголовная ответственность, и оспариваемая норма правил достаточно ясна.

По мнению Кабинета министров, оспариваемые нормы были приняты и обнародованы в порядке, предусмотренном нормативно-правовыми актами, и оспариваемая норма правил была принята в рамках полномочий, предоставленных Кабинету министров частью первой статьи 3 Закона об обороте стратегически важных товаров. Заявитель, интерпретируя статью 2 Закона об обороте стратегически важных товаров, ошибочно сделал вывод, что законодатель признал оборот стратегически важных товаров входящим в охват Регламента № 428/2009. Цели Закона об обороте стратегически важных товаров шире, и этот закон предусматривает более строгие правила оборота соответствующих товаров, чем Регламент № 428/2009. Регламенты Европейского Союза предусматривают только минимальные предъявляемые к государствам-членам требования и не запрещают государствам-членам устанавливать более строгое регулирование. Таким образом, в части первой статьи 5¹ Закона об обороте стратегически важных товаров был предусмотрен запрет на оборот

указанных в Перечне товаров, который не затрагивает импорт, экспорт или транзит этих товаров, то есть ограничение, не связанное с требованиями Регламента № 428/2009 и не входящее в его охват. Это ограничение обосновано интересами национальной безопасности, и нормативные акты Европейского Союза не ограничивают компетенцию государств-членов в вопросах, затрагивающих национальную безопасность, общественную безопасность и общественный порядок.

Закон об обороте стратегически важных товаров разработан с целью предоставления поддержки в идентификации этих товаров. В статье 11 этого закона предусмотрен порядок идентификации стратегически важных товаров, то есть четкий порядок, в котором физическое или юридическое лицо может проверить, не включены ли конкретные товары в перечни стратегически важных товаров. В 1-м приложении к Регламенту № 428/2009 и в Общем военном списке Европейского Союза также указаны категории товаров, которые может идентифицировать только лицо, в чьи обязанности входит такая идентификация.

Товары, указанные в оспариваемой норме правил, включены в Перечень с учетом товаров, принадлежащих к категории 5 в 1-м приложении к Регламенту № 428/2009, например, в его раздел 5A001.f включены устройства для создания помех, специально разработанные или приспособленные для намеренного вмешательства, подавления, препятствования, повреждения или отвлечения мобильной связи. Указанный в подпункте 6 оспариваемой нормы правил вид приспособлений – генераторы шумов широкого диапазона частот – по своим свойствам и назначению соответствует упомянутой категории товаров. Таким образом, такие товары включены не только в Перечень, но и в 1-е приложение к Регламенту № 428/2009. Содержащаяся в оспариваемой норме правил ссылка на Общий военный список Европейского Союза имеет информативное значение, то есть, ее цель – предупредить о вероятности, что товар может быть включен также и в этот список и поэтому к нему могут быть применимы иные условия контроля.

Согласно части второй статьи 5¹ Закона об обороте стратегически важных товаров, глушители мобильных телефонов можно использовать не только для оперативной деятельности, но также в тюрьмах, школах, во время судебных заседаний, в театрах или аэропортах, где это необходимо для обеспечения внутренней безопасности и порядка. Таким образом, эти устройства являются товарами двойного применения. Их оборот запрещен

потому, что они могут быть использованы для препятствования осуществляемой субъектами оперативной деятельности прослушке мобильной связи. Использование специально созданных или приспособленных для проводимых особым образом оперативных мероприятий оборудования и устройств может угрожать безопасности государства, общества или отдельных лиц, среди прочего мешая проводимым правоохранительными учреждениями оперативным мероприятиям и таким образом затрудняя предотвращение и расследование преступных деяний. Поэтому установленное в оспариваемых нормах ограничение основных прав является соразмерным. В повседневной жизни у физического лица нет необходимости в подавляющих устройствах.

В судебном заседании представитель Кабинета министров Вилнис Витолиньш подчеркнул, что Правила № 645 были изданы на основании уполномочия, содержащегося в части первой статьи 3 Закона об обороте стратегически важных товаров, и Перечень упомянут не только в части первой статьи 5¹ этого закона, но и в других нормах этого закона, например, в связи с лицензированием. Таким образом, увязка Перечня исключительно с частью первой статьи 5¹ закона некорректна.

В. Витолиньш указал: нельзя согласиться с Заявителем в том, что проводимые особым образом оперативные мероприятия нацелены только и единственно на получение информации. В оперативной деятельности имеется существенное различие между получением информации как конечной целью оперативных мероприятий и методами осуществления оперативных мероприятий. Конечной целью оперативных мероприятий действительно является получение информации, однако для осуществления этих мероприятий может быть необходима помощь различных устройств и приборов. В связи с этим ссылака единственно на конечную цель оперативных мероприятий – получение информации – является необоснованной и нет основания считать, что для осуществления проводимых особым образом оперативных мероприятий не предназначены также оборудование и устройства, упомянутые в оспариваемой норме правил.

Представитель Кабинета министров в судебном заседании указал также то, что лицо может обратиться в Комитет, а также использовать предусмотренное в Административно-процессуальном законе право обратиться в Службу государственной безопасности за справкой, чтобы выяснить объем своих прав и обязанностей. Однако более важное значение

в этом отношении имеют консультации не технических экспертов, а юристов, так как прежде всего необходимо понять, какова цель конкретного оборудования или устройства, указанная производителем в инструкции по его применению.

5. Приглашенное лицо – Министерство обороны – указывает, что только лицо, обладающее специальными знаниями, или лицо, информированное о конкретном устройстве или его назначении и функциях, может заключить, что устройство входит в какую-либо из категорий устройств, предусмотренных в оспариваемой норме правил. Лицо, которое не имеет специальных знаний или которое не информировано о назначении и функциях устройства, самостоятельно не сможет заключить, предназначено ли устройство для препятствования оперативным мероприятиям. Однако в нормативных актах, регулирующих оборот стратегически важных товаров, для коммерсантов предусмотрены ограничения, цель которых – обеспечить то, что стратегически важные товары не попадут в распоряжение физических лиц.

В судебном заседании представитель Министерства обороны Илзе Тоома дополнительно указала, что нормативные акты предусматривают достаточную совокупность мер для того, чтобы товары, включенные в Общий военный список Европейского Союза, не попали в распоряжение физических лиц, которым это запрещено. Контроль и надзор за соответствующей сферой распределены между определенными органами, каждый из которых имеет свою компетенцию. В компетенцию Министерства обороны входит лицензирование коммерсантов и надзор за ними. В свою очередь, представитель Министерства обороны Иварс Фрейбергс указал, что для военных нужд используются приборы и устройства с большой мощностью, однако в отдельных случаях схожего эффекта можно достигнуть, соединив несколько устройств или приборов с небольшой мощностью. Кроме того, эти приборы и устройства оказывают неблагоприятное влияние на здоровье человека.

6. Приглашенное лицо – Министерство внутренних дел – присоединяется к мнению о соответствии оспариваемых норм положениям Конституции, изложенному в письменных ответах Сазймы и Кабинета министров. Министерство внутренних дел дополнительно указывает, что в нормативных актах, регулирующих оборот стратегически важных товаров,

содержатся обязательные условия, которые коммерсант должен выполнить, чтобы иметь возможность осуществлять действия с оборудованием и устройствами, указанными в оспариваемой норме правил. В свою очередь, физические лица не могут свободно получить это оборудование и эти устройства в свое распоряжение, то есть, для их получения физические лица должны предпринять осознанные действия.

Предусмотренные в Законе об обороте стратегически важных товаров ограничения оборота стратегически важных товаров, в том числе указанных в оспариваемой норме правил, тесно связаны с интересами национальной безопасности. Международные договоры и другие источники права, в том числе нормативные акты Европейского Союза, не ограничивают компетенцию государства в вопросах национальной безопасности.

В судебном заседании представитель Министерства внутренних дел Иева Скируса подчеркнула, что указанные в Перечне оборудование и устройства исключены из гражданско-правового оборота. Перечень формируется также с учетом того, какой вред это оборудование и эти устройства могут нанести правам других лиц, безопасности общества и государства.

7. Приглашенное лицо – Министерство юстиции – указывает, что мнение Министерства юстиции по вопросам, имеющим значение в рассматриваемом деле, уже содержится в письменном ответе Кабинета министров.

В судебном заседании представитель Министерства юстиции Лайла Медина указала, что правила Кабинета министров могут разрабатываться параллельно разработке закона. Оценивая оспариваемую норму Уголовного закона, важно учитывать регулирование, предусмотренное в Законе об обороте стратегически важных товаров, то есть то, что физическим лицам запрещено приобретать, хранить и использовать упомянутые в Перечне специальные устройства. Физическое лицо, сталкиваясь с товаром такого типа, должно проявить особую предосторожность и, прибегнув к различным предусмотренным в законе возможностям, прежде всего выяснить, имеет ли оно право на хранение и использование этого товара. В случае необходимости физическое лицо может воспользоваться предусмотренными в Законе о заявлениях и Административно-процессуальном законе возможностями, а также обратиться в Комитет в

соответствии с положениями Закона об обороте стратегически важных товаров. Доступный лицу спектр инструментов достаточен, учитывая достаточно четкое регулирование закона в отношении того, что для физических лиц оборот конкретных товаров запрещен.

Кроме того, обязанность любого юриста – указать лицу на то, какие специалисты способны оказать ему профессиональную помощь. Учреждение может предоставить только общее толкование, так как не может знать всех специфических обстоятельств дела и не способно все разъяснить лишь на основании заявления. Оспариваемые нормы были достаточно ясными для того, чтобы лицо могло осознавать, что может быть привлечено к уголовной ответственности.

Представитель Министерства юстиции также указала, что в Европейском Союзе в различных вопросах может требоваться абсолютная гармонизация, то есть, в государствах-членах могут не допускаться никакие отступления от регламента, который подлежит прямому и абсолютно одинаковому применению, но есть и такие вопросы, в которых государствам-членам дана возможность воспользоваться правом позитивной дискриминации и в своем государстве установить более строгое регулирование. Министерство пришло к выводу, что в конкретной ситуации Латвия может допустить отступление от условий регламента по соображениям национальной безопасности и общественного порядка. Более строгие правила могут быть установлены также потому, что Латвия является государством, расположенным у внешней границы Европейского Союза.

8. Приглашенное лицо – Комитет по контролю за стратегически важными товарами – указывает, что его мнение уже содержится в письменном ответе Кабинета министров. Дополнительно Комитет указывает, что указанные в подпункте 6 оспариваемой нормы правил устройства в Латвии не производятся и в Латвию могут попасть только в результате импортирования. Соответственно, в рамках таможенной процедуры импортируемые товары проверяются и идентифицируются. Если констатируется, что конкретный товар входит в какую-либо из предусмотренных оспариваемой нормой правил категорий товаров, то физическим лицам запрещается импорт этого товара, а юридическим лицам указывается на порядок получения соответствующей лицензии. Лицо действительно может приобрести такой товар в каком-либо другом

государстве – члене Европейского Союза, где его продажа разрешена, и ввезти его в Латвию без таможенного контроля. Оборота товаров, ввезенных в Латвию таким образом, контролирует Служба государственной безопасности.

Использование устройств для глушения связи может не только создать неудобства для пользователей услуг мобильной связи, но и быть опасным, поскольку радио-технологии используются также и для охраны безопасности и здоровья людей или спасения их жизней. Кроме того, Латвия является государством – участником Европейской конференции администраций почтовых служб и служб связи, Коммуникационный комитет этой организации принял рекомендацию № (04)01 об обороте глушащих устройств в государствах – участниках организации, и в упомянутой рекомендации указано, что государства-участники должны установить запрет (который не относится, например, к учреждениям государственной безопасности) на продажу и использование глушащих устройств и принять соответствующее регулирование, чтобы не допустить использование глушителей.

В судебном заседании представитель Комитета по контролю за стратегически важными товарами Наурис Румпе указал, что Комитет является коллегиальным органом, секретариат которого находится в Министерстве иностранных дел и который находится в подчинении у министра иностранных дел. Комитет выполняет множество функций, таких как идентификация товаров, выдача лицензий. Комитет также является главным координатором, который обеспечивает коммуникацию между всеми соответствующими учреждениями и в случае, когда лицу необходимо что-либо уточнить в каком-либо ином учреждении, сам выясняет соответствующий вопрос, чтобы лицу не нужно было обращаться «в сто различных учреждений».

Около 75 процентов ежедневной работы Комитета занимает идентификация товаров. Любой человек может отправить в Комитет электронное письмо в свободной форме, приложив к нему буклет или указав только название и модель товара и даже не упоминая то, находится ли товар уже в его распоряжении или он только взвешивает мысль о его приобретении. Такое право лица вытекает из части первой статьи 11 Закона об обороте стратегически важных товаров. В свою очередь, Комитет идентифицирует, включен ли конкретный товар в какой-либо из перечней стратегически важных товаров. В зависимости от того, о каком товаре идет

речь, Комитет пересылает информацию соответствующему органу, который проводит идентификацию или, если необходимо, экспертизу, например, Государственной службе окружающей среды в связи с химическими веществами или Службе государственной безопасности в связи с оборудованием и устройствами, необходимыми для проведения оперативных мероприятий. По инициативе соответствующего учреждения Комитет, а затем и Министерство иностранных дел, продвигают необходимые поправки к нормативным актам. Полиция безопасности была тем органом, который написал аннотацию о необходимости внесения изменений в оспариваемую норму правил, и Комитет продвинул соответствующие поправки далее.

С 2013 по 2018 год Комитет рассмотрел около 162 тысяч запросов об идентификации. С каждым годом количество запросов уменьшается, так как Комитет вложил большой труд в информирование и образование специалистов, например, работников таможни, а также широкой общественности. В свою очередь, в 2009 году на интернет-сайте Министерства иностранных дел была опубликована статья о запрете на оборот определенных товаров.

Н. Румпе подчеркнул, что идентификация товаров проводится бесплатно и в его распоряжении нет информации о том, чтобы когда-либо требовалась плата за проведение экспертизы, хотя закон ее предусматривает. Идентификация товара обычно осуществляется в течение одного рабочего дня. Для экспертизы товар направляется только в случае, если специалист по идентификации не может его распознать и если товар действительно нуждается в серьезной проверке и оценке соответствия. Работники таможни, перевозчики и другие лица для первоначальной идентификации товара могут использовать специальные товарные KN-коды, индивидуально присваиваемые каждому товару.

Н. Румпе указал, что перечни товаров составляет не Европейский Союз, а эксперты государств – участников Вассенаарского соглашения. В перечни товаров регулярно вносятся изменения, и иногда определенные товары из них исключаются. Кроме того, Европейская Комиссия также не возражала против составленного в Латвии Перечня и того, какие товары были в него включены из соображений безопасности. Н. Румпе указал, что запретить ввоз конкретных товаров проще, чем справиться с распространением таких товаров в государстве в случае их разрешенного импорта.

Ни в одном из перечней, включая Регламент № 428/2009, упомянутые в них товары не предназначены для повседневного использования гражданским населением. Н. Румпе подчеркнул, что один товар может иметь много названий и ни в один перечень невозможно включить их все, поэтому только соответствующие специалисты способны в них сориентироваться и понять, является ли товар с отличающимся названием тем же товаром, что включен в какой-либо из перечней. Эти перечни могут понимать исключительно те люди, которым соответствующие товары нужны.

В отношении содержащегося в оспариваемой норме правила указания на Общий военный список Европейского Союза Н. Румпе указал, что в Перечень, как и в Регламент № 428/2009, оно включено с целью обратить внимание лиц на то, что товар может быть включен также и в этот список.

9. Приглашенное лицо – Служба государственной безопасности (до 31 декабря 2018 года – Полиция безопасности) – считает, что то, способно ли лицо, не обладающее специальными знаниями, заключить, входит ли конкретное устройство в какую-либо из указанных в оспариваемой норме правил категорий устройств, не имеет решающего значения в вопросе о соответствии оспариваемых норм положениям Конституции. Лицо может быть признано виновным в совершении преступного деяния, предусмотренного в оспариваемой норме Уголовного закона, только в том случае, если констатируется соответствующее отношение этого лица к совершенному деянию, то есть субъективная сторона преступного деяния. Таким образом, фактически невозможно, что виновным в совершении преступного деяния, предусмотренного в оспариваемой норме Уголовного закона, будет признано лицо, которое вообще не знает и не подозревает, что конкретный предмет является указанным в оспариваемой норме правил устройством для препятствования оперативным мероприятиям.

В отношении вопросов, подлежащих оценке в рамках дела, Служба государственной безопасности указывает, что оборудование и устройства в Перечне охарактеризованы по своему применению. Поэтому лицо, чтобы быть способным идентифицировать конкретное оборудование или устройство, должно понимать его применение или догадываться о нем. Для этого лицу не нужны технические или другие специфические знания. В рамках общего образования лицо приобретает достаточные знания о

радиоволнах и их применении, чтобы быть способным понять, что конкретное устройство предназначено для препятствования оперативным мероприятиям. Кроме того, информацию об отдельных устройствах можно найти в интернете. В свою очередь, лицо, которое все же не приобрело таких знаний, вообще не может догадываться о назначении соответствующего устройства. Оборудование и устройства для препятствования оперативным мероприятиям не находятся в свободной торговле в силу нормативного регулирования и других обстоятельств. Кроме того, они не имеют применения в повседневной жизни, то есть, они применимы только в специфических ситуациях. Таким образом, эти устройства могут попасть в распоряжение лица только в случае, если оно желало их получить, осознавало их назначение и предприняло целенаправленные действия для их получения.

Оценив оспариваемые нормы и нормативные акты, с которыми эти нормы системно связаны, лицо может сделать однозначный вывод о том, за какие действия в связи с нарушением запрета на них оно подлежит привлечению к уголовной ответственности, а также о том, на какие товары эти запреты распространяются.

В судебном заседании представитель Службы государственной безопасности указал, что в наши дни невозможно полностью контролировать оборот специальных устройств, но Служба государственной безопасности является органом, который выдает сертификаты, удостоверяющие, что устройство отвечает соответствующим стандартам и может использоваться на территории Латвии. Использование несертифицированных устройств недопустимо даже в правоприменительных учреждениях. В Службу государственной безопасности за консультациями обращаются лица, направляющие процесс в рамках соответствующих дел, Комитет, коммерсанты, субъекты оперативной деятельности перед осуществлением закупок, а также частные лица. Служба государственной безопасности предоставляет ответ в соответствии с порядком рассмотрения заявлений. В компетенцию Службы государственной безопасности не входит контроль за интернет-магазинами и предлагаемыми в них товарами. Из-за возможности приобрести в интернет-магазинах и через порталы объявлений товары, которые, возможно, могут использоваться в оперативной деятельности, в обществе может сложиться впечатление, что эти товары находятся в свободном обороте.

Лицо обычно может отличить устройство по его характерным признакам, к тому же в описаниях товаров обычно довольно точно указано то, для каких целей конкретное оборудование предназначено. Однако существуют и дешевые товары, произведенные в Китае, и часто даже невозможно точно выяснить их производителя. В таком случае необходимо провести тестирование и проверку, чтобы выяснить, что это за товар. Нередко лица, направляющие процесс, присылают на обследование товары, по поводу которых у них нет ясности. Иногда в результате обследования эти товары не идентифицируются как товары, включенные в Перечень.

Представитель Службы государственной безопасности также указал, что оборудование и устройства, предназначенные для препятствования оперативным мероприятиям, используются также для проведения оперативных мероприятий. Цель оперативной деятельности – защищать жизнь и здоровье лиц, конституционные ценности от внешних и внутренних угроз. В свою очередь, представители уголовного мира, используя специальные устройства, не только мешают правоохранительным учреждениям достигать целей оперативной деятельности, но и ставят под угрозу других людей. Кроме того, необходимо учитывать неблагоприятное влияние таких устройств на здоровье человека.

Представитель Службы государственной безопасности подчеркнул, что технологии развиваются стремительно и поэтому соответствующее регулирование требует регулярного пересмотра.

10. Приглашенное лицо – Государственная полиция – указывает, что кадеты Колледжа Государственной полиции, специализирующиеся в работе уголовной полиции, среди прочего проходят обучение по стратегически важным товарам, включенным в Перечень, и их идентификации. Знания об оперативно-технических средствах и стратегически важных товарах, применяемых в оперативной работе, можно получить также в рамках учебных курсов «Оперативная работа» на бакалаврском и магистерском уровнях в Рижском Университете имени Страдыньша.

Государственная полиция не осуществляет прямой контроль за оборотом указанных в оспариваемых нормах товаров. Однако в случае, если работники Государственной полиции при исполнении своих обязанностей констатируют предметы, которые могут являться специально

созданными или приспособленными для проводимых особым образом оперативных мероприятий оборудованием, устройствами или инструментами, они в предусмотренном законом порядке осуществляют изъятие соответствующих товаров. Затем соответствующий товар передается назначенным Службой государственной безопасности экспертам, которые дают свое заключение. По получении заключения эксперта оценивается необходимость начать уголовный процесс.

В судебном заседании представитель Государственной полиции Антра Страдыня дополнительно указала, что возможна ситуация, когда участковый инспектор или следователь ранее не видел конкретное оборудование или устройство и поэтому привлекаются оперативные сотрудники или же устройство в соответствующем порядке изымается и подвергается проверке. В свою очередь, в случае если лицо само хочет выяснить, какой товар находится в его распоряжении, и выясняется, что это какой-либо из содержащихся в Перечне товаров, Государственная полиция проверяет все обстоятельства и, если необходимо, заводит уголовное дело.

11. Приглашенное лицо – омбудсмен – выражает мнение, что закон, которым статья 237¹ Уголовного закона была изложена в той редакции, в какой она была применена к Заявителю, принят в предусмотренном нормативно-правовыми актами порядке.

Согласно выводам и заключениям, изложенным в решениях ЕСПЧ, закон является предсказуемым, если лицо, получив соответствующую юридическую помощь, при соответствующих обстоятельствах может разумно оценить правовые последствия своих действий. Это в частности относится к лицам, которые ведут профессиональную деятельность с надлежащей осмотрительностью. От таких лиц можно ожидать, что они будут обращать особое внимание на возможные риски, связанные с их профессиональной деятельностью.

Оборот стратегически важных товаров является специфической сферой, в ней невозможно работать без знаний об этой сфере и регулирующих ее нормативно-правовых актах. Несмотря на то, что из заявления невозможно понять, работает ли Заявитель в сфере стратегически важных товаров, все же его профессиональная деятельность связана с электронной техникой и поэтому ему не должно быть особенно трудно разобраться в ограничениях, установленных соответствующими нормативными актами. Кроме того, законодатель четко разделил случаи,

когда нарушение оборота стратегически важных товаров считается административным нарушением, и когда – преступным деянием. Оспариваемая норма Уголовного закона достаточно ясна и соответствует Конституции. В оспариваемой норме правил также были указаны оборудование и устройства для препятствования оперативным мероприятиям.

Из правовых норм Европейского Союза вытекает, что государства-члены имеют право установить более широкие ограничения, нежели те, что предусмотрены в Регламенте № 428/2009. Ограничение на приобретение и использование указанных в оспариваемой норме правил оборудования и устройств не ограничивает права, гарантированные статьей 90 и вторым предложением статьи 92 Конституции.

Сазыма в своем письменном ответе сослалась на заключение омбудсмана от 31 марта 2004 года по проверочному делу № 2013-56-5D, в рамках которого запрет на приобретение и хранение частными лицами устройств для препятствования оперативным мероприятиям оценивался в контексте статьи 96 Конституции. В этом заключении указано: законодатель ограничил право лица при помощи технических средств защищаться от ущемления своих прав, предусмотренных статьей 96 Конституции, однако упомянутый запрет соразмерен своей легитимной цели, состоящей в предотвращении возможности препятствования расследованию, раскрытию и предотвращению преступных деяний, иными словами, польза, которую общество получает в результате этого ограничения, превосходит ущерб, наносимый интересам лица.

Из письменных ответов Сазымы и Кабинета министров можно заключить, что содержащееся в оспариваемых нормах ограничение установлено с целью предотвратить возможность препятствования расследованию, раскрытию и предотвращению преступных деяний. Кроме того, наличие в распоряжении частного лица оборудования и устройств, созданных для препятствования оперативным мероприятиям, не может иметь легитимной цели.

В судебном заседании представитель омбудсмана Юрис Сильченко отметил, что эти устройства могут также влиять на функционирование другого оборудования, например, мобильных связей, медицинского оборудования. Таким образом, нахождение таких устройств в распоряжении и пользовании физических лиц может поставить под угрозу также жизнь, здоровье и интересы других лиц. Поэтому ограничения

оборота таких товаров следует признать соразмерными интересам общества и других индивидов.

Представитель омбудсмана выразил мнение, что ничто не мешает лицу выяснить то, что физическим лицам запрещено приобретать и использовать такие устройства. Внесенные в оспариваемую норму Уголовного закона поправки однозначно улучшили качество и ясность закона. Улучшение качества нормативных актов является непрерывным процессом, однако соответствующими поправками не было введено ничего принципиально нового.

В отношении того, что при попытке лица выяснить, какого вида устройство находится в его распоряжении, может быть начата проверка или даже начат уголовный процесс, представитель омбудсмана указал, что проверка сама по себе никаких последствий не вызывает. В свою очередь, в случае, если в результате этой проверки для лица возник какой-либо ущерб или ему были причинены убытки, лицо в соответствии с законом «О возмещении ущерба, причиненного в ходе уголовного процесса и делопроизводства по административному правонарушению» всегда может получить возмещение ущерба, напрямую сославшись также на статью 92 Конституции.

12. Приглашенное лицо – ассоциированный профессор Юридического факультета Рижского Университета имени Страдыньша *Dr. iur.* Алдис Лиелюксис – согласен с письменным ответом Сэймы в том, что соответствие оспариваемых норм положениям Конституции следует оценивать, опираясь на содержащиеся во втором предложении статьи 92 Конституции стандарты качества правовой нормы.

Правовой состав бланкетных норм выясняется с учетом регулирования других нормативно-правовых актов. Таким образом, предусмотренная в оспариваемой норме Уголовного закона объективная сторона преступного деяния подлежит выяснению с учетом норм Закона об оперативной деятельности. Верховный суд в своем решении от 31 января 2017 года по делу № SKK-41/2017 заключил, что указанные в оспариваемой норме правила устройства для препятствования оперативным мероприятиям являются подвидом устройств, входящих в категорию устройств, специально созданных или приспособленных для проводимых особым образом оперативных мероприятий, а не другой категорией стратегически важных товаров. А. Лиелюксис считает, что с упомянутым выводом

Верховного суда нельзя согласиться, поскольку правила Кабинета министров, то есть нормативно-правовой акт низшей юридической силы, не может расширять напрямую определенный в норме Уголовного закона объект.

Устройства для создания помех электронной связи не предназначены для получения информации, поэтому они технически отличаются от средств контроля электронной связи. Препятствование прослушке разговоров не является мерой, предусмотренной в Законе об оперативной деятельности, для ее осуществления не нужен контроль со стороны судьи или прокурора. Согласно правилам Кабинета министров № 93 от 1 февраля 2011 года «Правила о порядке использования специальных радиосредств и технических требованиях к их функционированию», средства препятствования электронной связи могут использовать только учреждения государственной безопасности для осуществления своих функций. Согласно нормам этих правил Кабинета министров, в случае если создание помех для электронной связи продолжается дольше одного часа, соответствующее учреждение государственной безопасности обязано проинформировать об этом общество. Этот аспект открытости существенно отличает соответствующие действия от проводимых особым образом оперативных мероприятий, которые проводятся в тайне. Устройства, необходимые для осуществления действий по препятствованию прослушке разговоров, нельзя признать подвидом устройств, специально созданных или приспособленных для проводимых особым образом оперативных мероприятий, безотносительно к структуре раздела 10A905 Перечня. Устройства для создания помех большой мощности могут причинить вред не только отдельным пользователям средств связи, но и другим лицам, поэтому такие устройства должны быть включены в Перечень, однако они не предназначены для осуществления проводимых особым образом оперативных мероприятий.

Кроме того, оборудование, схожее с найденным устройством, находившимся в распоряжении Заявителя, используется также для других целей, например, для блокирования средств связи учеников образовательного учреждения в рамках учебного процесса или в театрах во время спектаклей. Их могут использовать также предприниматели для защиты своей коммерческой тайны. А. Лиелюксис сомневается в том, что абсолютный запрет на приобретение и использование маломощных устройств для создания помех является необходимым в демократическом

обществе. Учитывая технологический прогресс, следует различать препятствующие устройства для индивидуального пользования и такие препятствующие устройства, которые могут нанести ущерб всему обществу.

А. Лиелюксис считает, что внесенные в оспариваемые нормы поправки свидетельствуют о том, что оспариваемая норма Уголовного закона ранее не охватывала оборудование, предназначенное для предотвращения проводимым особым образом оперативным мероприятиям.

А. Лиелюксис допускает, что назначенный Полицией безопасности эксперт классифицировал найденное устройство, находившееся в распоряжении Заявителя, опираясь на внутреннюю терминологию Полиции безопасности, в которой термин «оперативное мероприятие» имеет отличное содержание. Кроме того, из заключения назначенного Полицией безопасности эксперта вытекает, что конкретное устройство является устройством двойного применения, то есть, оно предназначено как для проведения оперативных мероприятий, так и для предотвращения им. Препятствование оперативным мероприятиям не определено в Законе об оперативной деятельности как оперативная мера, однако, возможно, такие действия могут классифицироваться как оперативные мероприятия во внутренних нормативных актах учреждений государственной безопасности.

В судебном заседании А. Лиелюксис подчеркнул, что оспариваемая норма Уголовного закона к Заявителю была применена неправильно. В этой норме предусмотрена уголовная ответственность за нарушение запрета на оборот только такого оборудования и устройств, при помощи которых могут осуществляться проводимые особым образом оперативные действия. Из Закона об оперативной деятельности вытекает, что проводимые особым образом оперативные мероприятия нацелены на активное получение и сохранение информации, а также оперативное проникновение с целью обеспечения осуществления других мероприятий оперативной деятельности. Оспариваемая норма Уголовного закона ясна, чего нельзя сказать об оспариваемой норме правил.

Часть выводов

13. Заявитель просит признать оспариваемую норму Уголовного закона не соответствующей статье 90 и второму предложению статьи 92 Конституции.

13.1. Статья 90 Конституции предусматривает: «Каждый имеет право знать свои права». Эта норма Конституции укладывается в принцип верховенства права, согласно которому права и обязанности лиц могут быть установлены только общеобязательными правовыми нормами. Конституционный суд уже признал, что статья 90 Конституции содержит в себе обязанность государства создать механизм, обеспечивающий информированность лиц о правовом регулировании и его содержании. Лицо, в свою очередь, имеет субъективное публичное право быть надлежащим образом информированным о его правах, а также об обязанностях (для сравн. см. пункт 16 решения Конституционного суда от 20 декабря 2006 года по делу № 2006-12-01 и пункт 7.2 решения Конституционного суда от 1 ноября 2012 года по делу № 2012-06-01).

В статье 90 Конституции среди прочего содержатся критерии качества правовых норм, согласно которым каждая правовая норма должна быть доступной, а также достаточно ясной и предсказуемой (см., например, пункт 16 решения Конституционного суда от 20 декабря 2006 года по делу № 2006-12-01 и пункт 15.2 решения Конституционного суда от 30 марта 2011 года по делу № 2010-60-01). Конституционный суд уже ранее признал, что ясность и предсказуемость правовой нормы следует оценивать на основании интерпретации этой нормы. А именно, правовую норму следует признать неясной в том случае, если при помощи методов интерпретации невозможно выяснить ее действительный смысл (см. пункт 15.2 решения Конституционного суда от 30 марта 2011 года по делу № 2010-60-01). Только то предписание, которое среди прочего отвечает всем критериям качества правовой нормы, может быть признано общеобязательной правовой нормой, то есть быть наделено юридической силой.

В демократическом правовом государстве основные права лица могут быть ограничены только согласно закону. Поэтому при оценке соответствия правовой нормы низшей юридической силы любой содержащейся в Конституции норме основных прав необходимо выяснить, отвечает ли норма низшей юридической силы, в которой установлено ограничение основных прав, всем критериям качества правовых норм (см., например, пункт 17.2 решения Конституционного суда от 15 июня 2017 года по делу № 2016-11-01 и пункт 15 решения Конституционного суда от

24 ноября 2017 года по делу № 2017-07-01). Реализация всех определенных в Конституции основных прав опирается на право лица знать свои права.

13.2. Второе предложение статьи 92 Конституции предусматривает: «Каждый считается невиновным, пока его вина не признана согласно закону». Конституционный суд уже признал, что эта норма Конституции среди прочего содержит в себе принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege*, то есть то, что лицо можно признать виновным и наказать только за действие, которое признано преступным согласно закону (см. пункт 4.2 решения Конституционного суда от 16 декабря 2008 года по делу № 2008-09-0106). Использованное во втором предложении статьи 92 Конституции понятие «закон» входит в содержащееся в статье 90 Конституции понятие «права». Поэтому признать предусматривающие уголовную ответственность нормы законом в понимании второго предложения статьи 92 Конституции можно только в случае, если они отвечают таким же критериям качества правовых норм, какие содержатся в статье 90 Конституции. Конституционный суд уже ранее оценивал соответствие правовых норм второму предложению статьи 92 Конституции во взаимосвязи со статьей 90 Конституции (см. пункт 15.5 решения Конституционного суда от 28 марта 2013 года по делу № 2012-15-01).

Однако по той причине, что уголовная ответственность является наиболее тяжелым из возможных видов юридической ответственности и ее последствия могут существенно влиять на жизнь лица также и после отбывания уголовного наказания, нормы, предусматривающие уголовную ответственность, должны по своему содержанию быть более определенными, чем нормы других отраслей права. Таким образом, чтобы оценить соответствие правовой нормы второму предложению статьи 92 Конституции, необходимо выяснить, во-первых, была ли она принята и обнародована в предусмотренном нормативными актами порядке и, во-вторых, доступна ли она, а также достаточно ясна и предсказуема, чтобы служить основанием для привлечения лица к уголовной ответственности (см. пункт 5 решения Конституционного суда от 16 декабря 2008 года по делу № 2008-09-0106). Кроме того, Конституционный суд уже указывал, что второе предложение статьи 92 Конституции охватывает основные права человека, определенные в части первой статьи 7 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), поэтому соответствие правовых норм второму предложению статьи 92 Конституции следует оценивать с использованием также предоставленной ЕСПЧ

интерпретации статьи 7 Конвенции (см. пункт 4.2 решения Конституционного суда от 16 декабря 2008 года по делу № 2008-09-0106). ЕСПЧ признал, что необходимая степень предсказуемости правовой нормы зависит среди прочего от содержания соответствующего нормативного акта, отрасли, которую он призван регулировать, а также от численности и статуса ее субъектов (см., например, пункт 35 решения Европейского Суда по правам человека от 11 ноября 1996 года по делу „Cantoni v. France”, заявление № 17862/91, и пункт 235 решения Европейского Суда по правам человека от 17 мая 2010 года по делу „Koponov v. Latvia”, заявление № 36376/04).

В рассматриваемом деле оспаривается соответствие положениям Конституции таких правовых норм, которые предусматривают уголовную ответственность лица. Следовательно, Конституционному суду необходимо проверить соответствие оспариваемых норм второму предложению статьи 92 Конституции.

14. Заявитель считает, что оспариваемая норма Уголовного закона не была принята в предусмотренном нормативными актами порядке, и приводит свои соображения о процессе принятия закона от 10 сентября 2009 года «Поправки к Уголовному закону». Однако законом от 10 сентября 2009 года «Поправки к Уголовному закону» Уголовный закон был дополнен статьей 237¹ в ее первоначальной редакции. В свою очередь, оспариваемая норма Уголовного закона в эту статью была включена только законом от 13 декабря 2012 года «Поправки к Уголовному закону». На упомянутое обстоятельство в своем письменном ответе и в судебном заседании указывает также Саэйма (см. стр. 54 тома 2 и стр. 29 тома 6 материалов дела). Таким образом, Заявитель привел аргументы только в отношении закона, которым в Уголовный закон была включена статья 237¹ в ее первоначальной редакции. В заявлении не приведены аргументы о законе, которым в Уголовный закон была включена оспариваемая норма Уголовного закона. По этой причине конкретные приведенные Заявителем аргументы не относятся к оспариваемой норме Уголовного закона.

Из доступной в законодательной базе данных Саэймы информации вытекает, что проект закона от 13 декабря 2012 года «Поправки к Уголовному закону» был подан в Саэйму Кабинетом министров 21 октября 2011 года. Законопроект в соответствии с Регламентом Саэймы был рассмотрен в Саэйме в трех чтениях и принят в третьем чтении 13 декабря

2012 года, а обнародован 27 декабря 2012 года в № 202 официального издания *Latvijas Vēstnesis*. Участники дела не высказали возражений в связи с порядком принятия и обнародования оспариваемой нормы Уголовного закона, и у Конституционного суда также не возникает сомнений в том, что оспариваемая норма Уголовного закона была принята и обнародована в порядке, предусмотренном Конституцией и Регламентом Сазймы, а также доступна в соответствии с требованиями нормативных актов.

15. Оспариваемая норма Уголовного закона содержится в статье 237¹ Уголовного закона, которая состоит из двух частей. В теории уголовного права признано: если статья Уголовного закона состоит из нескольких частей, в ее первой части указывается основной состав соответствующего преступного деяния, а в остальных частях – его квалифицированные составы, то есть схожие преступные деяния, за которые законодатель предусмотрел иной вид наказания или размер наказания, с определенными дополнительными квалифицирующими признаками, которые обычно указывают на более тяжкий характер этого деяния (см.: *Krastiņš U. Noziedzīgs nodarījums. Rīga: Tiesu namu aģentūra, 2000, стр. 21–23*).

Статья 237¹ Уголовного закона называется «Нарушение правил оборота стратегически важных товаров», и ее первая часть предусматривает уголовную ответственность «[з]а нарушение правил оборота стратегически важных товаров, если в результате него нанесен существенный ущерб». В свою очередь, оспариваемая норма Уголовного закона предусматривает уголовную ответственность «[з]а нарушение запрета на оборот специально созданных или приспособленных для проводимых особым образом мероприятий оперативной деятельности оборудования, устройств или инструментов и их компонентов». Интерпретируя оспариваемую норму Уголовного закона, можно сделать вывод, что уголовная ответственность в соответствии с этой нормой наступает за нарушение правил оборота стратегически важных товаров, то есть конкретного запрета на оборот стратегически важных товаров. Оборот стратегически важных товаров в Латвии регулируется Законом об обороте стратегически важных товаров. Из вышеупомянутого вытекает, что оспариваемая норма Уголовного закона предусматривает уголовную ответственность за действия лица, предусмотренные в другом нормативном акте. Конституционный суд уже ранее признал, что такие нормы, предусматривающие уголовную

ответственность, нельзя признать неясными лишь потому, что их содержание выясняется на основе других нормативных актов (см. пункт 7.2 решения Конституционного суда от 16 декабря 2008 года по делу №2008-09-0106). Таким образом, чтобы оценить конституционность оспариваемой нормы Уголовного закона, необходимо выяснить также содержание и конституционность нормативных актов, регулирующих оборот стратегически важных товаров.

16. Часть первая статьи 5¹ Закона об обороте стратегически важных товаров (здесь и далее – в редакции, действовавшей до 26 апреля 2016 года) предусматривала среди прочего запрет на оборот специально предназначенных для проводимых особым образом оперативных мероприятий оборудования и устройств.

Заявитель по сути считает, что этот запрет не был установлен в предусмотренном нормативными актами порядке, поскольку: 1) регулирование оборота соответствующих устройств является сферой, входящей в эксклюзивную компетенцию Европейского Союза, в которой государства-члены не вправе самостоятельно устанавливать ограничения; 2) согласно нормам Регламента № 428/2009, государства-члены имеют право установить ограничения только на экспорт таких товаров; 3) согласно нормам Регламента № 428/2009, государства-члены вправе установить меры экспортного контроля в отношении не упомянутых в приложении к этому регламенту товаров только при соблюдении определенных критериев.

Эксклюзивные компетенции Европейского Союза указаны в Договоре о функционировании Европейского Союза. Подпункт *e* части первой статьи 3 этого договора предусматривает, что Европейский Союз среди прочего имеет эксклюзивную компетенцию по регулированию общей торговой политики. Таким образом, только Европейский Союз может регулировать общую политику государств-членов в торговле с третьими странами. Однако вопрос оборота стратегически важных товаров и его ограничений в рамках конкретного государства – члена Европейского Союза не входит в эксклюзивную компетенцию Европейского Союза. Из статьи 1, пунктов 2, 5 и 7 статьи 2 и статьи 3 Регламента № 428/2009 также вытекает, что его цель – создать общий режим экспорта товаров двойного применения за пределы территории Европейского Союза. Соответственно, в статьях 4 и 8 этого регламента предусмотрены условия, на которых

государства-члены могут установить дополнительные ограничения на экспорт товаров двойного применения. Таким образом, Регламент № 428/2009 не охватывает оборот товаров двойного применения в рамках государства – члена Европейского Союза. Следовательно, он также не ограничивает свободу действий государств-членов в регулировании оборота таких товаров на своей территории.

Часть первая статьи 5¹ Закона об обороте стратегически важных товаров включена в закон законом от 12 марта 2009 года «Поправки к Закону об обороте стратегически важных товаров». Этот закон был рассмотрен в Саэйме в трех чтениях, а также принят и обнародован в официальном издании *Latvijas Vēstnesis* в порядке, предусмотренном Конституцией и Регламентом Саэймы. У Конституционного суда не возникает сомнений в том, что часть первая статьи 5¹ Закона об обороте стратегически важных товаров была принята и обнародована в предусмотренном нормативными актами порядке и доступна в соответствии с требованиями нормативных актов.

Часть первая статьи 5¹ Закона об обороте стратегически важных товаров предусматривает: «Физическим лицам запрещено приобретать, хранить и использовать упомянутые в Национальном перечне стратегически важных товаров и услуг Латвийской Республики специально созданные или приспособленные для проводимых особым образом мероприятий оперативной деятельности оборудование, устройства или инструменты и их компоненты [...]». Во-первых, из текста части первой этой статьи вытекает содержание запрета, указанного в оспариваемой норме Уголовного закона, а именно, физическим лицам запрещено приобретение, хранение и использование соответствующих стратегически важных товаров. Во-вторых, из текста части первой этой статьи можно заключить, что соответствующие товары указываются в Перечне. Согласно части первой статьи 3 Закона об обороте стратегически важных товаров, Перечень устанавливается Кабинетом министров. Кабинет министров установил Перечень, включив его в приложение к Правилам № 645. Таким образом, чтобы выяснить содержание оспариваемой нормы Уголовного закона, необходимо выяснить также регулирование Перечня, установленного Кабинетом министров.

17. По мнению Заявителя, Кабинет министров, приняв оспариваемую норму правил, нарушил границы полномочия, которое ему предоставлено

частью первой статьи 3 Закона об обороте стратегически важных товаров. В упомянутой норме Уголовного закона непосредственно указаны только устройства, предназначенные для проводимых особым образом оперативных мероприятий. Согласно нормам Закона об оперативной деятельности, все проводимые особым образом оперативные действия направлены на получение информации, и поэтому в эту категорию устройств не могут входить устройства для препятствования оперативным мероприятиям, назначение которых противоположно. По мнению Заявителя, такое его мнение подтверждается также тем, что впоследствии в оспариваемую норму Уголовного закона и часть первую статьи 5¹ Закона об обороте стратегически важных товаров были внесены поправки, которыми в эти нормы было включено прямое указание на оборудование и устройства, предназначенные для препятствования оперативным мероприятиям. То, что включение устройств, предназначенных для препятствования оперативным мероприятиям, в категорию устройств, предназначенных для проводимых особым образом оперативных мероприятий, является необоснованным, указывает также А. Лиелюкис. Кабинет министров, напротив, считает, что он установил Перечень в соответствии с полномочием, которым его наделяет закон. Поэтому Конституционный суд оценит, соблюл ли Кабинет министров, издав Перечень, предоставленное ему законодателем полномочие.

17.1. Пункт 1 Закона об обороте стратегически важных товаров предусматривает, что стратегически важными товарами являются системы, оборудование, их составляющие, материалы, химические вещества, предметы, программное обеспечение, технологии и услуги, которые содержатся в ряде нормативных актов Европейского Союза и в Перечне. С 19 июля 2007 года, когда вступил в силу Закон об обороте стратегически важных товаров, дефиниция стратегически важных товаров, содержащаяся в этом пункте, по сути не изменялась, то есть, законодатель только актуализировал соответствующий список нормативных актов Европейского Союза. В свою очередь, часть первая статьи 2 Закона об обороте стратегически важных товаров предусматривает, что целью этого закона является обеспечение контролируемого оборота стратегически важных товаров в соответствии с национальными и международными интересами Латвийской Республики, требованиями международных режимов экспортного контроля и предотвращение распространения ядерного оружия, химического, биологического оружия и другого оружия массового

уничтожения, а также предотвращение угрозы международного терроризма.

Часть первая статьи 3 Закона об обороте стратегически важных товаров предусматривает: «Национальный перечень стратегически важных товаров и услуг Латвийской Республики устанавливается Кабинетом министров». Из интерпретации этой правовой нормы во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 1 и частью первой статьи 2 Закона об обороте стратегически важных товаров следует вывод, что в ней заключено уполномочие законодателем Кабинета министров на определение того оборудования, тех веществ, материалов и услуг, к которым в соответствии, среди прочего, с национальными интересами Латвийской Республики, следует применять меры контроля, предусмотренные в Законе об обороте стратегически важных товаров.

Таким образом, законодатель определил границы данному Кабинету министров полномочия, а именно – установил критерии, по которым Кабинет министров должен оценивать необходимость включения конкретных товаров или услуг в Перечень и, соответственно, распространения на их оборот ограничений, предусмотренных в законе. Следуя этой норме, Кабинет министров установил Перечень, в котором перечислены соответствующие товары и услуги.

17.2. Заявитель считает, что Кабинет министров не был вправе включать в Перечень оборудование и устройства, предназначенные для препятствования оперативным мероприятиям, до того, как в статью 5¹ Закона об обороте стратегически важных товаров было включено прямое указание на запрет на оборот таких устройств.

Правила № 645 разрабатывались одновременно с поправками к Закону об обороте стратегически важных товаров, которыми среди прочего было предусмотрено уполномочие Кабинета министров на установление Перечня. Разработка этих нормативных актов проходила в рамках специальной межминистерской рабочей группы. В рамках этой рабочей группы был разработан проект Закона об обороте стратегически важных товаров от 21 июня 2007 года, часть первая статьи 3 которого предусматривала полномочие Кабинета министров установить Перечень (*см. стр. 112–128 тома 2 материалов дела*).

Из материалов дела вытекает, что в период до принятия Правил № 645 Перечень в соответствии с Законом об обороте стратегически важных товаров определял Комитет. В свою очередь, Правила № 645 были

разработаны и приняты с целью утвердить определенный Комитетом Национальный перечень стратегически важных товаров правилами Кабинета министров. Таким образом, содержание включенного в Правила № 645 Перечня не было разработано заново, а было перенято из ранее разработанного Комитетом Перечня. Уже в первоначальной редакции проекта Правил № 645 в Перечень был включен раздел 10A905 «Специально созданные или приспособленные для проводимых особым образом мероприятий оперативной деятельности оборудование, устройства или инструменты и их компоненты», в подпункте *e* которого были указаны «оборудование и устройства для препятствования мероприятиям оперативной деятельности» (см. стр. 112–128 тома 2 материалов дела). Таким образом, можно заключить, что в конкретном случае законодатель, принимая часть первую статьи 3 Закона об обороте стратегически важных товаров, осознавал, что в рамках соответствующего уполномочия будет принят Перечень конкретного, известного ему содержания.

Для того чтобы полноценно достигнуть цели Закона об обороте стратегически важных товаров – обеспечить контролируемый оборот стратегически важных товаров в соответствии с национальными интересами Латвийской Республики, необходимо ограничить не только оборот того оборудования и тех устройств, которые применяются для осуществления проводимых особым образом оперативных мероприятий, но и оборот тех устройств, при помощи которых могут создаваться помехи для оперативных мероприятий. Кабинет министров вправе в соответствии с частью первой статьи 3 Закона об обороте стратегически важных товаров включить товары в Перечень также и таким образом, что обозначение входящего в категорию товаров вида товаров *expressis verbis* не будет совпадать с названием категории, при условии, что это системно и по смыслу необходимо для полноценного контроля за оборотом конкретной категории стратегически важных товаров и для достижения целей закона. Кроме того, представитель Службы государственной безопасности в судебном заседании указал, что оборудование и устройства, предназначенные для препятствования оперативным мероприятиям, могут применяться также для проводимых особым образом оперативных мероприятий (см. стр. 179 тома 6 материалов дела). Таким образом, Кабинет министров, установив Перечень и включив в него среди прочего оборудование и устройства для препятствования оперативным

мероприятиям, а также приняв оспариваемую норму правил, действовал в рамках данного ему законодателем полномочия.

17.3. Правила Кабинета министров № 1334 от 24 ноября 2009 года «Поправки к правилам Кабинета министров № 645 от 25 сентября 2007 года „Правила о Национальном перечне стратегически важных товаров и услуг“», которыми Перечень был изложен в редакции, действовавшей с 28 ноября 2009 года по 23 января 2014 года, были приняты и обнародованы в порядке, предусмотренном Конституцией, Регламентом Кабинета министров и Законом об официальных публикациях и правовой информации.

Заявитель указывает, что оспариваемая норма правил в сделанной им распечатке с сайта *www.likumi.lv* отобразилась в заштрихованном виде. Из материалов дела (см. стр. 5 тома 2 материалов дела) очевидно вытекает то, что такая штриховка образовалась по техническим причинам. Однако, какими бы ни были характер и причина возникновения этой штриховки, Конституционный суд подчеркивает, что, согласно статье 2 Закона об официальных публикациях и правовой информации, официальным изданием Латвийской Республики, в котором содержится публично достоверная и обязательная информация, является электронное издание *Latvijas Vēstnesis*.

В силу вышеизложенного у Конституционного суда не возникает сомнений в том, что оспариваемая норма правил была принята и обнародована в порядке, предусмотренном нормативными актами, и доступна в соответствии с требованиями нормативных актов.

18. Перечень разбит на несколько разделов. В каждом разделе названа конкретная категория товаров или услуг, а для отдельных категорий дополнительно указаны примечания, в которых дано описание соответствующей категории или определены исключения в отношении конкретных входящих в эту категорию товаров или услуг. Раздел 10A905 Перечня называется «Специально созданные или приспособленные для проводимых особым образом мероприятий оперативной деятельности оборудование, устройства или инструменты и их компоненты», что соответствует категории товаров, указанной в части первой статьи 5¹ Закона об обороте стратегически важных товаров и в оспариваемой норме Уголовного закона. В свою очередь, в подпункт *e* раздела 10A905 Перечня включены оборудование и устройства для

препятствования мероприятиям оперативной деятельности: 1) специальные индикаторы; 2) специальные локаторы; 3) сканеры; 4) скремблеры; 5) специальные частотомеры; 6) генераторы шумов широкого диапазона частот. Таким образом, оборудование и устройства для препятствования оперативным мероприятиям являются одним из подвидов оборудования и устройств, специально созданных или приспособленных для проводимых особым образом мероприятий оперативной деятельности.

18.1. Из требований к качеству правовых норм, содержащихся во втором предложении статьи 92 Конституции, не вытекает то, что каждая правовая норма должна быть сформулирована как абсолютно четкая инструкция. На это указал также и ЕСПЧ: как бы точно и ясно ни были сформулированы правовые нормы, их содержание всегда подлежит выяснению путем интерпретации (см. пункт 141 решения Европейского Суда по правам человека от 12 февраля 2008 года по делу „*Kafkaris v. Cyprus*”, заявление № 21906/04). Поскольку законы по своей юридической природе являются абстрактными предписаниями поведения, их формулировка не может быть абсолютно точной. Одной из техник разработки правового регулирования является использование общих обозначений вместо исчерпывающего перечня (см., например, пункт 43 решения Европейского Суда по правам человека от 28 августа 2018 года по делу „*Seychell v. Malta*”, заявление № 43328/14). Если правовой состав правовой нормы сформулирован с использованием общих обозначений, возможны также такие фактические ситуации, когда нет очевидной ясности в отношении того, входят ли они в охват этой правовой нормы. Однако сомнения в отношении охвата правовой нормы применительно к таким фактическим ситуациям сами по себе не являются причиной для признания правовой нормы неясной или непредсказуемой, если она достаточно ясна в большинстве случаев (см. пункт 32 решения Европейского Суда по правам человека от 11 ноября 1996 года по делу „*Cantoni v. France*”, заявление № 17862/91).

Чтобы обеспечить жизнеспособность регулирования в сферах технологий, законодатель при разработке правовых норм в этих сферах может использовать также принцип технологической нейтральности. Правовые нормы, которые были разработаны и приняты в соответствии с принципом технологической нейтральности, содержат общие понятия, характеризующие соответствующие подлежащие регулированию

технологии по цели их применения, по их воздействию, функциям и другим общим характерным величинам.

Законодатель может не перечислять конкретные наименования и модели устройств, входящих в группу устройств, предназначенных для предотвращения оперативным мероприятиям, а использовать общее обозначение определенного вида устройств. Такое обозначение отражает существенные свойства соответствующей группы устройств, оборот которых подлежит контролю, например, конструкцию, функции или назначение, характерные для всех устройств этого вида. Перечисление устройств не только потребовало бы несоразмерного вложения ресурсов в процесс его разработки, но и сделало бы соответствующие правовые нормы неэластичными и существенно снизило бы их эффективность в изменчивых условиях жизни. Поэтому одно лишь то, что в оспариваемой норме правил не перечислены устройства, подлежащие контролю, а использованы общие обозначения, характеризующие функции устройств, которые обычно указываются в технических описаниях этих устройств и доступны потребителям, не означает, что регулирование оспариваемых норм является неясным.

Указанные в оспариваемой норме правил оборудование и устройства не являются товарами повседневного использования, то есть такими устройствами, которые каждое лицо использует в своей повседневной жизни или которые могут быть ему необходимы. Они по своей сути являются специализированными устройствами, которые по причине своих функций и возможного применения не находятся в общей доступности в свободном гражданско-правовом обороте в Латвии, а также во многих других государствах мира и Европейского Союза. В тех государствах, где приобретение таких устройств разрешено, также могут быть установлены ограничения по их использованию. Например, Комитет в своем письменном мнении указал, что в Великобритании частным лицам разрешено приобретение генераторов шумов широкого диапазона частот, но запрещено их использование (*см. стр. 95 тома 5 материалов дела*). То, что такие устройства по своей сути не могут считаться товарами повседневного использования, а также то, что для приобретения таких товаров лицу необходимо совершить осознанные и целенаправленные действия по поиску возможности их приобрести, в судебном заседании указал представитель Комитета Н. Румпе (*см. стр. 118 тома 6 материалов дела*).

Правовую норму можно признать достаточно ясной и предсказуемой также в том случае, если лицо, прибегнув к соответствующей юридической помощи, смогло предвидеть, в результате каких действий оно может быть привлечено к уголовной ответственности за совершение преступного деяния, указанного в соответствующей правовой норме (см., например, пункт 113 решения Европейского Суда по правам человека от 12 июля 2007 года по делу „Jorgic v. Germany”, заявление № 74613/01, и пункт 79 решения Европейского Суда по правам человека от 21 октября 2013 года по делу „Del Rio Prada v. Spain”, заявление № 42750/09). Чтобы правильно интерпретировать оспариваемую норму Уголовного закона и выяснить ее содержание, лицу могут быть необходимы специфические юридические знания. Однако правовая норма может быть достаточно ясной и предсказуемой также в том случае, когда лицу для выяснения охвата этой нормы необходима соответствующая юридическая помощь (см. пункт 35 решения Европейского Суда по правам человека от 11 ноября 1996 года по делу „Cantoni v. France”, заявление № 17862/91).

Интерпретировав оспариваемые нормы, можно заключить, что указанные в оспариваемой норме правил оборудование и устройства для препятствования оперативным мероприятиям входят в категорию оборудования и устройств, специально созданных или приспособленных для проводимых особым образом оперативных мероприятий. Таким образом, к этому оборудованию и этим устройствам относится запрет на оборот, установленный частью первой статьи 5¹ Закона об обороте стратегически важных товаров. Оспариваемая же норма Уголовного закона предусматривает уголовную ответственность, в частности за нарушение запрета на оборот оборудования и устройств, предназначенных для препятствования оперативным мероприятиям, а именно – за приобретение, хранение или использование этих товаров. Даже если лицо не могло самостоятельно выяснить правовой состав предусмотренного в оспариваемой норме Уголовного закона преступного деяния, оно могло выяснить его, прибегнув к соответствующей юридической помощи. Таким образом, оспариваемая норма Уголовного закона достаточно ясно предусматривает уголовную ответственность, среди прочего за нарушение запрета на оборот – приобретение, хранение или использование – устройств, предназначенных для препятствования оперативным мероприятиям, и каждое лицо, получив соответствующую юридическую помощь, могло выяснить, за какие действия оно может быть привлечено к

уголовной ответственности в соответствии с оспариваемой нормой Уголовного закона.

18.2. Заявитель указывает на аннотацию к Правилам № 648, в которой сам Кабинет министров признал, что содержащиеся в разделе 10А905 Перечня определения неясны.

Пунктом 2 Правил № 648 раздел 10А905 Перечня был изложен в новой редакции. В подпункте *е* раздела 10А905 Перечня в редакции Правил № 648 более не содержится перечисление конкретных категорий оборудования и устройств, но указываются виды применения подконтрольных устройств, а также добавлены примечания, в которых приведена дополнительная характеристика соответствующего оборудования и устройств. В аннотации к Правилам № 648 указано, что эти поправки необходимы потому, что, по мнению предложивших их лиц, содержащиеся в разделе 10А905 Перечня определения недостаточно точно описывают изъятые из оборота товары.

Правовое регулирование непрерывно развивается, в частности в результате усовершенствования законодателем формулировок нормативных актов с той целью, чтобы они точнее отражали его волю (*для сравн. см., например, пункт 10 решения Конституционного суда от 25 января 2012 года по делу № 2011-08-01*). Поэтому одно лишь то, что Кабинет министров впоследствии решил изменить содержащиеся в разделе 10А905 Перечня дефиниции, чтобы сделать их еще более четкими, само по себе не означает, что до этого они не были достаточно ясны.

19. Заявитель указывает, что в разделе 10А905 Перечня и входящей в него оспариваемой норме есть ссылки на нормативные акты Европейского Союза. Исходя из этих ссылок, лицо может прийти к выводу, что предусмотренные в Законе об обороте стратегически важных товаров контрольные меры относятся только к тем входящим в указанные в Перечне категории товарам, которые соответствуют также критериям, указанным в конкретных нормативных актах Европейского Союза. Напротив, Кабинет министров в своем письменном мнении и представитель Кабинета министров В. Витолиньш в судебном заседании указали, что эти ссылки носят только информативный характер.

В разделе 10А905 Перечня указано: «Специально созданные или приспособленные для проводимых особым образом мероприятий оперативной деятельности оборудование, устройство или инструменты и их

компоненты: (см. часть вторую „безопасность информации“ категории 5 приложения 1 Регламента Совета № 1334/2000 от 22 июня 2000 года, которым устанавливается режим контроля за экспортом товаров и технологий двойного применения на территории Сообщества)». В свою очередь, оспариваемая норма правил предусматривает: «оборудование и устройства для препятствования мероприятиям оперативной деятельности: (см. Общий военный список Европейского Союза)». В описании раздела 10A905 Перечня указан Регламент № 1334/2000, который утратил силу 27 августа 2009 года и был замещен Регламентом № 428/2009. Согласно части третьей статьи 27 Регламента № 428/2009, ссылки на Регламент № 1334/2000 следует считать ссылками на Регламент № 428/2009. Таким образом, по сути в разделе 10A905 Перечня содержится ссылка на приложение 1 Регламента № 428/2009.

Упомянутые нормы Перечня следует рассматривать системно во взаимосвязи с дефиницией стратегически важных товаров, указанной в пункте 1 статьи 1 Закона об обороте стратегически важных товаров в редакции, действовавшей до 26 апреля 2016 года. Согласно этой дефиниции, стратегически важными товарами в понимании этого закона считаются системы, оборудование, их составные части, материалы, химические вещества, предметы, программное обеспечение, технологии и услуги, указанные в Перечне, а также в 1-м приложении Регламента № 428/2009 и Общем военном списке Европейского Союза. Таким образом, товары, указанные в 1-м приложении Регламента № 428/2009 и Общем военном списке Европейского Союза, считаются стратегически важными товарами в понимании Закона об обороте стратегически важных товаров. Поэтому интерпретация упомянутых ссылок, согласно которой соответствующие указанные в Перечне категории товаров охватывают только те товары, которые включены также и в упомянутые нормативные акты Европейского Союза, не была бы юридически правильной. Следовательно, можно заключить, что содержащиеся в разделе 10A905 Перечня и в оспариваемой норме правил ссылки на нормативные акты Европейского Союза носят информативный характер, то есть, их цель – указать, что оборот товаров, входящих в эту категорию, отрегулирован также в упомянутых нормативных актах Европейского Союза.

20. Заявитель подчеркивает, что лицо, не обладающее специальными знаниями, даже с помощью юриста не будет способно прийти к выводу о

том, входит ли конкретное устройство в какую-либо из указанных в оспариваемой норме правил групп устройств. Об этом якобы свидетельствует регулирование Закона об обороте стратегически важных товаров, согласно которому учреждения с целью идентификации конкретного товара могут обратиться в Комитет, а при необходимости – также получить заключение эксперта. В уголовном процессе, в рамках которого был осужден Заявитель, найденное у него оборудование также было признано генератором шумов широкого диапазона частот на основании заключения, предоставленного экспертом.

Представитель Комитета Н. Румпе в судебном заседании указал, что к стратегически важным товарам принадлежат товары разного характера – как различные технические установки и устройства, так и химические вещества. Перечни стратегически важных товаров – результат сотрудничества множества специалистов в различных отраслях, поэтому полноценно уяснить содержание терминов, характеризующих конкретную категорию товаров стратегического значения, может только лицо, обладающее специальными знаниями (*см. стр. 116 и 117 тома 6 материалов дела*).

Именно поэтому в Латвийской Республике установлен порядок, в котором лицо может выяснить, включено ли конкретное устройство в Перечень и какие ограничения оборота к нему относятся. Согласно статье 11 Закона об обороте стратегически важных товаров, работающий в Комитете специалист по идентификации стратегически важных товаров дает заключения о статусе конкретных товаров, а в случае необходимости для установления статуса товара может также быть проведена экспертиза. Из нормативных актов не вытекает то, что для получения справки у специалиста по идентификации стратегически важных товаров установлены какие-либо финансовые или юридические препятствия. В судебном заседании Н. Румпе также пояснил, что Комитет принимает запросы от лиц в свободной форме и дает заключения также в ответ на составленные в свободной форме и направленные по электронной почте запросы (*см. стр. 114 тома 6 материалов дела*). Кроме того, Н. Румпе указал, что, хотя часть третья статьи 11 Закона об обороте стратегически важных товаров предусматривает предоставление заключения специалиста по идентификации стратегически важных товаров в течение 30 рабочих дней после получения запроса, на практике Комитет, руководствуясь принципом хорошего управления, дает заключения в как можно более

короткий срок – обычно в течение одного рабочего дня (см. стр. 120 и 131 тома 6 материалов дела). Таким образом, лицо по собственной инициативе или по направлению юриста могло обратиться в Комитет, чтобы идентифицировать соответствующий товар.

То, что в уголовном процессе оборудование было признано генератором шумов широкого диапазона частот на основании заключения эксперта, соответствует части первой статьи 194 Уголовно-процессуального закона, поскольку экспертиза была необходима именно для выяснения вопроса, имеющего важное значение в рамках конкретного уголовного процесса. Это не означает, что лицо не могло, исходя из технического описания оборудования, самостоятельно или с помощью других лиц или государственных органов выяснить соответствие оборудования положениям правового регулирования.

21. Заявитель дополнительно указывает, что на тот момент, когда у него было найдено устройство, признанное в уголовном процессе генератором шумов широкого диапазона частот, еще не сложилась юдикатура по применению оспариваемых норм. Напротив, Саэйма и Кабинет министров указывают, что судебная практика по вопросу применения оспариваемых норм ясна, и ссылаются на несколько судебных постановлений, принятых после 3 апреля 2013 года, то есть после нахождения у Заявителя упомянутого устройства. Органы, издавшие оспариваемые акты, среди прочего подчеркивают решение Верховного суда от 31 января 2017 года по делу № SKK-41/2017, в котором была утверждена та интерпретация оспариваемых норм, согласно которой эти нормы были применены также и к Заявителю.

ЕСПЧ признал, что постепенное растолковывание содержания уголовно-правовых норм путем интерпретации, даваемой судом, является глубоко укоренившейся в системах права государств – участников Конвенции и необходимой юридической традицией. Статья 7 Конвенции не может интерпретироваться так, будто она запрещает постепенное разъяснение содержания норм уголовного права путем производимой судом интерпретации, при условии, что даваемая судами интерпретация отвечает сути соответствующего преступного деяния и ее можно было разумно предвидеть (см., например, пункт 44 решения Европейского Суда по правам человека от 28 августа 2018 года по делу „*Seychell v. Malta*”, заявление № 43328/14). В случае, если правовая норма интерпретируется

впервые, ее интерпретацию также можно признать предсказуемой, если она разумна и соответствует характеру нарушения (см., например, пункт 109 решения Европейского Суда по правам человека от 12 июля 2007 года по делу „Jorgic v. Germany”, заявление № 74613/01, и пункты 791–821 решения Европейского Суда по правам человека от 25 июля 2013 года по делу „Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia”, заявления № 11082/06 и № 13772/05). Соответственно, также и согласно второму предложению статьи 92 Конституции то, сложилась ли уже ранее юдикатура или судебная практика по интерпретации конкретной правовой нормы, не может иметь решающего значения при оценке ясности и предсказуемости этой правовой нормы, при условии, что ее содержание можно выяснить при помощи методов интерпретации правовых норм.

22. Учитывая все вышеизложенное, Конституционный суд приходит к выводу, что лицо могло выяснить, за какие действия оно может быть привлечено к уголовной ответственности в соответствии с оспариваемыми нормами, либо путем самостоятельной интерпретации этих норм, либо, при необходимости, прибегнув к соответствующей юридической помощи. Таким образом, оспариваемые нормы достаточно ясны и предсказуемы для того, чтобы служить основанием для привлечения лица к уголовной ответственности.

Следовательно, оспариваемые нормы соответствуют статье 90 и второму предложению статьи 92 Конституции.

Постановляющая часть

На основании статей 30–32 Закона о Конституционном суде Конституционный суд

решил:

1. Признать часть вторую статьи 237¹ Уголовного закона в редакции, действовавшей с 1 апреля 2013 года по 1 декабря 2015 года, соответствующей статье 90 и второму предложению статьи 92 Конституции Латвийской Республики.

2. Признать подпункт *e* раздела 10A905 приложения к правилам Кабинета министров № 645 от 25 сентября 2007 года «Правила о Национальном перечне стратегически важных товаров и услуг» в редакции, действовавшей с 28 ноября 2009 года по 23 января 2014 года, соответствующим второму предложению статьи 92 Конституции Латвийской Республики.

Решение окончательно и обжалованию не подлежит.

Решение оглашено в Риге 21 февраля 2019 года.

Решение вступает в силу в момент его оглашения.

Председатель судебного заседания

И. Зиемеле